

С Т А Т Ь И

ДРЕВНИЙ ВОСТОК: ОТ ЕГИПТА ДО ИРАНА
К 55-ЛЕТИЮ А.С. БАЛАХВАНЦЕВА – ДРУЗЬЯ, КОЛЛЕГИ, УЧЕНИКИ

DOI: 10.31857/S086919080009830-0

«ВСПЛЕСК» ДРЕВНЕЕГИПЕТСКОЙ ЭКСПЕДИЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ
ПРИ ЦАРЕ ДЖЕДКАРА: ЯВЛЕНИЕ ИЗ СФЕРЫ ЭКОНОМИКИ ИЛИ КУЛЬТУРЫ?

© 2020

М.А. ЛЕБЕДЕВ ^a^a – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID ID: 0000-0002-1524-2083; maximlebedev@mail.ru

Резюме: Надписи, оставленные участниками древнеегипетских экспедиций за пределами Нильской долины, – важный источник информации о Древнем Египте. Они используются при изучении государственных институтов, политической, социально-экономической истории, мировоззрения древних египтян. При царе Джедкара наблюдается значительный рост числа экспедиционных текстов и известных по ним государственных экспедиций. С этого же правления за пределами Нильской долины стали регулярно создаваться надписи нового типа. В них появились относительно подробные сведения о составе предприятий, включая численный состав экспедиций. Однако является ли рост в конце V династии числа известных по экспедиционным надписям предприятий свидетельством заметной активизации государственной экспедиционной активности? В статье показано, что между числом задокументированных экспедиций и числом фактически совершенных предприятий могло и не существовать прямой связи. Автор полагает, что формирование корпуса экспедиционных надписей зависело от множества факторов, относящихся, прежде всего, к области культуры и политики, а вовсе не экономики.

Ключевые слова: Древний Египет, Древнее царство, Джедкара, природные ресурсы, Синай, экспедиционные тексты.

Для цитирования: Лебедев М.А. «Всплеск» древнеегипетской экспедиционной активности при царе Джедкара: явление из сферы экономики или культуры? *Восток (Oriens)*. 2020. № 3. С. 6–18. DOI: 10.31857/S086919080009830-0

Благодарность: Исследование выполнено при поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации (проект № МК-1903.2018.6).

“ACTIVATION” OF ANCIENT EGYPTIAN EXPEDITIONARY EFFORTS
UNDER KING DJEDKARE: AN ECONOMIC OR CULTURAL PHENOMENON?

© 2020

Maksim A. LEBEDEV ^a^a – Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
ORCID ID: 0000-0002-1524-2083; maximlebedev@mail.ru

Abstract: Inscriptions left by participants of ancient Egyptian expeditions in areas beyond the Nile Valley have traditionally been an important source of information. They are used in the study of state institutions, political, socio-economical history, and world outlook of ancient Egyptians. The reign of the king Djedkare was marked by the rise of the number of expeditionary texts and attested state expeditions. From the same reign onwards a new type of expeditionary inscriptions began to appear regularly. It was characterized by the

presence of relatively detailed accounts of expeditionary forces including their number. However, did the rise of the number of attested missions in the late 5th Dynasty correspond to the activation of state expeditionary efforts? The paper demonstrates that there was probably no direct correspondence between the number of attested missions and the actual number of enterprises. The author argues that the development of the structure and content of expeditionary inscriptions may have been caused by the growing consolidation of expeditionary communities which developed their common cultural memory and identity. The reign of Djedkare became a turning point in this development probably due to its length and reformative activity of the king himself. The paper concludes that the formation of the corpus of expeditionary inscriptions was determined by many factors that belonged primarily to the spheres of culture and politics rather than economy. The interpretation of available written sources which tend to describe ideas, institutions and expected protagonists rather than actual practice will benefit from availability of new archaeological data.

Keywords: Ancient Egypt, Old Kingdom, Djedkare, natural resources, Sinai, expeditionary texts.

For citation: Lebedev M.A. “Activation” of Ancient Egyptian Expeditionary Efforts under King Djedkare: an Economic or Cultural Phenomenon? *Vostok (Oriens)*. 2020. No. 3. Pp. 6–18. DOI: 10.31857/S086919080009830-0

Acknowledgements: The study was carried out with the support of the Council for grants of the President of the Russian Federation (project № МК-1903.2018.6).

ВВЕДЕНИЕ

Основой большинства классических египтологических исследований являются письменные и изобразительные источники, которые в какой-то степени дополняются данными археологии. В эпоху Древнего царства¹ практически все они были связаны с монументальными памятниками и созданы либо непосредственно представителями элиты, либо для элиты. Таким образом, древнеегипетские письменные источники повествуют об институтах и ожидаемой роли участников, однако, в отличие от археологических источников, могут ненадежно отображать реальную практику [Shennan, 1993, p. 55].

Важным источником информации о Египте Древнего царства являются экспедиционные памятники. Это довольно обширный корпус текстов и изображений², порой весьма развёрнутых, который продолжает регулярно пополняться новыми находками. В основном это наскальные надписи и рельефы, но встречаются также стелы, а с началом археологических исследований стали обнаруживаться дипинти и папирусные документы. Экспедиционные тексты используются при изучении государственных институтов, политической, социально-экономической истории, мировоззрения древних египтян [Eichler, 1993; Bloxam, 2003; Лебедев, 2015; Tallet, 2018]. Данные о государственной экспедиционной активности в эпоху Древнего царства не распределены равномерно. От большинства правлений III–V династий достоверно известно всего по 1–2 экспедициям [Лебедев, 2015, с. 671]. От времени двух царей, Хуфу и Сахура, дошли сведения как минимум о 4 экспедициях, но информация об их составе фактически отсутствует. Качественный рост сведений о государственной экспедиционной активности произошёл только в конце V династии – в правление Джебкара (Исеси). От времени этого царя сохранились данные сразу о 5 или 6 экспедициях (одна из них известна только по памятникам в самом Египте). Однако важно не число известных экспедиций, ведь оно, в конце концов, может объясняться лишь лучшей степенью сохранности, которую час-

¹ К эпохе Древнего царства традиционно относят правления III–VI древнеегипетских династий (ок. 2707/2657–2216/2166 гг. до н.э.) [Helck, 1968, S. 76–77]. Иногда ее удлиняют примерно на 50 лет – вплоть до конца VIII династии [Перепелкин, 2000, с. 97–176; Beckerath, 1997, S. 148–152].

² Сегодня известно уже более 300 экспедиционных памятников Древнего царства с текстами [Eichler, 1993; Лебедев, 2015].

то демонстрируют поздние источники по сравнению с более ранними. С исторической точки зрения куда интереснее другое явление: с этого времени за пределами Нильской долины стали регулярно создаваться надписи нового типа. В них появились относительно подробные сведения о составе предприятий, включая численный состав экспедиций. Начавшийся при Джедкара тренд продолжился при VI династии: от времени Пепи I известно уже 8 экспедиций, от времени Пепи II – не менее 9. При этом экспедиционные тексты становились всё более развернутыми. Говорит ли увеличение количества данных о реальной интенсификации экспедиционной активности государства? И почему описанный перелом произошёл именно при Джедкара? Для ответа на эти вопросы необходимо выяснить, что мы знаем о древнеегипетских экспедиционных текстах как историческом источнике, а также какое место занимало правление предпоследнего царя V династии в истории Древнего царства.

СПЕЦИФИКА ЭКСПЕДИЦИОННЫХ НАДПИСЕЙ ДРЕВНЕГО ЦАРСТВА КАК ИСТОРИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА

Экспедиционная активность государства была тесно связана со всеми четырьмя основными видами его экономической деятельности, – производством, обменом, распределением и потреблением, – а потому со стороны элит ей уделялось пристальное внимание. Об этом, в частности, говорит большое число самих экспедиционных памятников. У данного весьма обширного комплекса источников существуют, конечно, свои особенности. Некоторые из приведённых ниже пунктов уже приводились в работах, посвящённых феномену древнеегипетских граффити или отдельным категориям древнеегипетских экспедиционных надписей [Blumenthal, 1977; Eichler, 1994; Eyre, 1996, p. 429–431; Galán, 1998; Peden, 2001, p. xix–xxi, 289; Демидчик, 2005, с. 152–170; Bloxam, 2006, p. 285–286; Демидчик, 2015; Демидчик, 2016; Auenmüller, 2019, p. 395–400], однако в целом специфика экспедиционных текстов Древнего царства как исторического источника ранее подробно не обсуждалась. Поскольку определение границ нашего незнания позволяет избегать необоснованных выводов при работе с памятниками, в контексте данной работы следует остановиться на нескольких основных моментах.

Во-первых, мы не всегда знаем, какие факторы влияли на формирование доступной нам сегодня естественной выборки экспедиционных текстов. Надписи дошли с относительно небольшого числа месторождений, которые египтяне разрабатывали в эпоху Древнего царства. Чтобы пересчитать наиболее важные из них, будет достаточно пальцев одной руки: Вади-Магара, Айн-Сохна, Хатнуб, Вади-Хаммамат, Гебель-эль-Аср. При этом нам известны десятки других каменоломен и рудников, преимущественно в Восточной пустыне, где надписи либо единичны, либо не задокументированы пока вовсе. Ряд месторождений, где в эпоху Древнего царства, согласно данным археологии и биографиям египетских чиновников, велись активные разработки, по каким-то причинам не сохранили экспедиционных текстов. В частности, речь идёт о таких важных разработках, как каменоломни близ современного Асуана, где добывалась большая часть гранита, или Туры, которые были главным источником мелкозернистого белого известняка в Мемфисском регионе. Среди объективных причин отсутствия текстов на рудниках и в каменоломнях Древнего царства можно назвать следующие: 1) обширные более поздние разработки или естественные разрушения, которые уничтожили древний культурный ландшафт³; 2) отсутствие удобных твёрдых поверхностей, на которых надписи могли сохра-

³ Это могло быть главной причиной отсутствия надписей Древнего царства в каменоломнях Туры; часть надписей Раннего Древнего царства может быть погребена под обвалом, который случился в каменоломне «Р» в конце Древнего царства [Лебедев, 2015, 28].

ниться на протяжении тысяч лет⁴; 3) непродолжительное время разработки месторождения или отсутствие в небольших экспедиционных отрядах грамотных людей⁵. Однако, возможно, были и субъективные причины. В этом случае значение могли приобретать самые неожиданные факторы: престижность добывавшегося материала, статус предприятия, конкуренция среди участников, религиозная значимость места или его трудная достижимость, даже вид скалы, контуры или трещины которой могли участникам экспедиций что-то напоминать.

Во-вторых, доступные для изучения тексты могут создавать искаженное представление о реальной роли государства в разработке отдаленных рудников и каменоломен. Изучение экспедиционных текстов вне широкого контекста способно завести в ловушку, природа которой определяется парадоксом доступности информации: явление может считаться более вероятным только потому, что о нём чаще сообщается. Абсолютное большинство экспедиционных текстов было оставлено участниками государственных предприятий, в то время как деятельность не связанных с государством самоорганизующихся групп напрямую не отражалась в письменных источниках.

В-третьих, важно помнить, что экспедиционные тексты – это эпиграфические памятники, которые нередко следует рассматривать в рамках официального монументального дискурса. Они не являются экспедиционной документацией, даже если в них присутствуют перечни участников, указываются нормы довольствия или повествуется о ходе предприятия. Задачи, для решения которых создавались эти тексты, а также их целевая аудитория кардинальным образом отличают эпиграфические экспедиционные источники от папирусной документации.

В-четвертых, мы можем лишь предполагать те причины, по которым представители египетской элиты Древнего царства оставляли на рудниках, в каменоломнях и на путях к ним надписи и стелы. В условиях, когда свидетельство об экспедиции или своём участии в ней приходилось с трудом процарапывать или выбивать на твердом камне, для создания развернутых текстов и масштабных изображений нужна была определенная мотивация. Возможные причины создания экспедиционных текстов можно разделить на две группы: служебные и личные. Существование экспедиционных текстов и изображений уже в Протодинастический и Раннединастический периоды свидетельствует о том, что древнеегипетское государство в лице своих представителей с самого начала стремилось презентовать себя за пределами Нильской долины. Возможно, это было связано с естественной необходимостью обозначить сферу своего влияния [Lupo, 2007, p. 75] и транслировать на периферийные области основные идеи об устройстве данного государства и его внешней политике: известно, что на границах государство нередко проявляет себя более активно, чем в собственных глубинных районах. Что касается частных причин, то они, конечно, были разнообразными и со временем менялись. Свою роль могли играть и мода, и соревновательность, и даже склад характера – всё то, о чём сегодня, спустя 4500 лет, судить либо трудно, либо невозможно.

В-пятых, мы не знаем, как соотносить известные группы надписей с реальным числом работавших государственных экспедиций. Выделять индивидуальные предприятия одного царствования на отдельных рудниках и каменоломнях удаётся лишь с правления Джедкара. До этого египтяне, видимо, не испытывали потребности отмечать с помощью

⁴ Не исключено, что на мягком нубийском песчанике Восточной пустыни было сделано немало надписей, однако они имели мало шансов пережить естественное выветривание, которое продолжалось тысячи лет. При этом отсутствие удобных поверхностей не всегда было причиной отсутствия надписей. Так, в каменоломнях Гебель-эль-Аср, зная особенности данной местности, египетские отряды ставили стелы, некоторые из которых доставляли из Нильской долины [Engelbach, 1933; Engelbach, 1938; Shaw, Bloxam, 1999].

⁵ Как, возможно, это было в базальтовых каменоломнях Видан-эль-Фарас [Bloxam, Storemyr, 2002, p. 28–29] или на золотых месторождениях в Восточной пустыне.

надписей отдельные экспедиции одного и того же царствования, если на месторождении уже присутствовало упоминание соответствующего правителя. Так, можно с уверенностью утверждать, что при царе Хуфу на рудниках Синая неоднократно бывали египетские отряды, для работы которых была создана сложная инфраструктура [Tallet, 2013]. Однако на самом полуострове от всего правления Хуфу сохранилась лишь одна официальная стела, вырубленная в скале [Tallet, 2018, p. 102, 298]. К концу V династии, когда проявилась тенденция отмечать текстами индивидуальные предприятия, отличия между отдельными экспедициями стали, похоже, по какой-то причине важны. Но ситуация, когда все или почти все экспедиции начали создавать во время своей работы новые памятники, всё равно сложилась, видимо, только на отдельных месторождениях и не ранее позднего Среднего царства. Самый яркий пример – это корпус экспедиционных надписей на Синае.

В-шестых, следует учитывать, что, как и в случае с другими древнеегипетскими монументальными памятниками, при создании экспедиционных текстов и изображений определённую роль могли играть преувеличения и подражание более ранним примерам [Демидчик, 2015; Демидчик, 2016].

В-седьмых, мы не всегда можем выяснить, какое реальное наполнение имели те формальные обозначения египетских должностных лиц и рабочих, которые в литературе обычно рассматриваются как титулы или профессии. Мы также не можем точно знать, что мотивировало на запись формальных обозначений в пустыне. Это могло быть как стремление указать реальный статус и функциональные обязанности в Нильской долине, так и желание очертить сферу ответственности в данном конкретном предприятии, продемонстрировать связи с важными институтами, подчеркнуть отношения с царем или профессиональную преемственность.

ДАННЫЕ О ПРАВЛЕНИИ ДЖЕДКАРА И ЕГО ЭКСПЕДИЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ

Правление Джедкара было весьма продолжительным, современные исследователи оценивают его в рамках от 29 до 38 лет; последний известный сегодня год правления Джедкара – год 22-го счета скота [Verner, 2014, p. 80]. Длинное царствование, судя по всему, способствовало проведению несколько реформ, которые могли быть ответом на политические и социально-экономические изменения внутри страны. Главный явлением, с которым, возможно, стремился справиться Джедкара, было укрепление влияния и экономических возможностей высших сановников и представителей их семей. Для этого Джедкара реформировал сложившуюся к его времени бюрократию, впервые изменив систему ранговых титулов. В административном плане Средний и Верхний Египет были выделены в подобие округа под управлением, возможно, отдельного визира [Strudwick, 1985, p. 339], в то время как Нижний Египет и район Мемфиса управлялись, судя по всему, напрямую из царской резиденции. В экономической сфере Джедкара реорганизовал систему распределения доходов от царских поминальных владений. Кроме того, он оставил некрополь своих предков в Абусире, положил конец эпохе строительства солнечных храмов и выстроил свою пирамиду в Саккаре – древнейшем царском некрополе Мемфиса. Исследователи пока не пришли к единому мнению о значении реформ Джедкара [Verner, 2014, p. 85]. Вполне возможно, что их главной целью было достижение большей централизации управления за счёт изменения состава правящей элиты. Впрочем, в перспективе переломить ход событий Джедкара не удалось, и провинциальные знатные семьи со временем продолжили аккумулировать в своих руках богатства и формировать общую культурную память, что увеличивало их независимость от центральной власти.

От долгого правления Джедкара сохранилось немало свидетельств контактов древнеегипетского государства с окружающими областями. О связи с Ханааном в это время говорит фрагмент кальцитового сосуда с именем Джедкара, найденный в Библие [Nelson, 1934, p. 20, pl. III], через который египтяне могли вывозить ценную древесину и другие товары, в том числе металлы. О контактах с Малой Азией, возможно опосредованных, может свидетельствовать обнаружение в Северо-Западной Анатолии цилиндрической печати с именем Джедкара [Helck, 1975, S. 79]. О контактах с нубийскими землями в целях получения ценных ресурсов, в частности золота, сообщает список чужеземных стран из заупокойного храма царя в южной Саккаре [Grimm, 1985]. Кроме того, при Джедкаре была снаряжена экспедиция в страну Пунт под руководством «казначая бога» Урджеджаба. По какой-то причине этот путешественник стал легендарной личностью и слава о нем сохранялась вплоть до конца VI династии. Упоминания об Урджеджабе содержатся в автобиографиях двух других экспедиционных лидеров – Хархуфа и Ини [Marcolin, Espinel, 2011, p. 584–585].

Все остальные данные о внешней активности государства во времена Джедкара сохранили экспедиционные надписи за пределами Нильской долины. Самые южные экспедиционные тексты с именем царя известны в Нижней Нубии. Речь идёт о стеле с царским именем в гнейсовых каменоломнях Гебель-эль-Аср [Rowe, 1938, p. 687]. Кроме того, одно из имен правителя – Исеси – упоминается в надписи из Тумаса, которая, впрочем, может относиться и к VI династии [Eichler, 1993, S. 110]. Наиболее интересные экспедиционные тексты времени Джедкара сохранились на Синае, где работали как минимум три его экспедиции. Первая из них датирована годом после 3-го счета скота и известна по надписи в Вади-Магара IS 13 [Лебедев, 2015, с. 100–101, 431–432; Tallet, 2018, p. 107–108]. Этот вырезанный в скале текст уникален, поскольку поделён на две части: одна, традиционная, была посвящена царю, а вторая – участникам конкретной экспедиции [Gardiner, Peet, Černý, 1952, pl. VII]. Вторая экспедиция состоялась в год (после?) 7-го счёта скота и известна сразу по четырем текстам: три (Sinai 19–20 и 22) были найдены в Вади-Магара на Синае и один – в Айн-Сохне на западном берегу Суэцкого канала, откуда экспедиция переправлялась на полуостров [Лебедев, 2015, с. 101–102, 433–434; Tallet, 2018, p. 108–110]. Все четыре надписи носят неофициальный характер и были оставлены по инициативе участников предприятия. Третья экспедиция состоялась в год (после?) 9-го счёта скота и известна по одному плохо сохранившемуся официальному тексту IS 14 [Лебедев, 2015, с. 103, 434; Tallet, 2018, p. 110]. Наконец, к правлению Джедкара относится также одна сильно разрушенная официальная надпись без даты, которая, как и IS 13, состояла из двух частей: «царской» и «частной» [Лебедев, 2015, с. 103, 435; Tallet, 2018, p. 110–111]. Увы, текст слишком повреждён, чтобы установить, относится ли он к отдельному предприятию или был выбит в ходе одной из трех упомянутых выше экспедиций.

ОСОБЕННОСТИ КОРПУСА ЭКСПЕДИЦИОННЫХ НАДПИСЕЙ ВРЕМЕНИ ДЖЕДКАРА

На первый взгляд корпус экспедиционных надписей, созданных в правление Джедкара, отличается от более ранних групп таких же текстов только своим объемом. И действительно, тексты времени Джедкара развивали тенденции, которые уже проявлялись в аналогичных памятниках предыдущих царствований. Тем не менее именно конец V династии стал поворотным пунктом в развитии экспедиционных текстов. И долгое правление Джедкара, как нам видится, внесло в эти изменения важнейший вклад.

Наибольшее внимание из всех экспедиционных памятников времени Джедкара привлекает надпись Sinai 13 (*рис. 1*). Она состоит из двух основных частей. Первая часть –

царская. Ее текст был выдержан в рамках традиционного царского дискурса в том виде, как тот обычно был представлен за пределами Нильской долины. Он содержит датировку, царскую титулатуру и описание некоего события, в год которого или в связи с которым была совершена экспедиция:

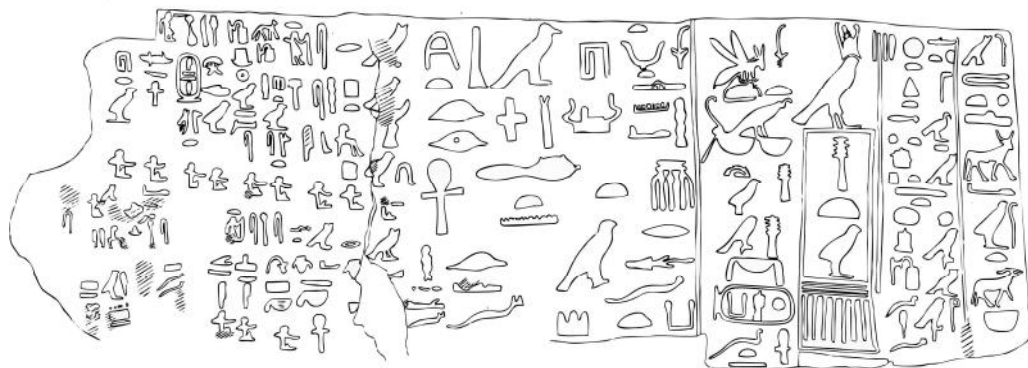

Рис. 1. Надпись Sinai 13 (по: [Gardiner, Peet, Černý, 1952, pl. VII]).

«1) Год после 3-го случая 2) счёта всякого крупного и мелкого скота. 3) Сделал бог, что на алтаре (святыни) Нехен-Ра⁶ им самолично был найден ценный камень со священным текстом⁷. 4) Хор Джедхау, 5) царь Верхнего и Нижнего Египта, Обе Владычицы Джедхау, Хор Золота Джеду Джедкара, да живет он во времени-*d.t!*».

Вторая часть надписи отделена от царского блока вертикальным регистром. Она повествует о начальнике экспедиции и руководящем составе его отряда:

«6) Миссия царская, отправленная 7) вместе с начальником команды корабля 8) Нианххентихети 9) на склон бирюзы. Работали для него (т.е. царя) вместе с ним 11) начальники опытных мастеров-*sr.w* Немтиу, Шепсеспутх и Саби, 12) главный писец Усерпах, 13) писец плавильщиков Хунес, 14) руководители команды матросов Абеду, Мери-нечерисеси, Нианхмин и Херу, 15) начальник чужеземцев [...] 16) смотритель чужеземцев Никаианх, 17) (а также) инспектора опытных мастеров-*sr.w* Уашкаи, Хотепени и Себекени, 18) [...] 19) инспектор плавильщиков Шепеси 20) [...]».

Появление такого рода памятника было закономерным. Отдельно друг от друга, но демонстрируя при этом связь, «царские» и «частные» тексты и изображения стали появляться в пустынях почти одновременно. Первые носили официальный статус, вторые удовлетворяли неформальное стремление экспедиционных участников к самовыражению. И те, и другие изначально были очень просты и могли состоять только из имени, однако со временем они становились всё более многословными; усложнялась и их структура. До Джедкара самый развёрнутый экспедиционный текст в рамках царского дискурса был создан в середине V династии при Ниусерра на Синае (Sinai 10) [Gardiner, Peet, Černý, 1952, pl. VI; Лебедев, 2015, с. 430–431]. К тому же или несколько более раннему времени может относиться самый развёрнутый «частный» текст, оставленный в Вадихаммат «начальником ополчения» Анху [Goyon, 1957, p. 57–58; Лебедев, 2015, с. 44–46, 387].

Первые известные свидетельства о стремлении экспедиционных участников вписать себя в официальный дискурс относятся либо ко времени царя I династии Дена [Tallet,

⁶ Солнечный храм Усеркафа в Абу-Гуробе.

⁷ К переводу столбца и его интерпретации см: [Nuzzolo, 2018, p. 454–455].

2018, р. 292]⁸, либо к правлению царей III династии Джосера и Сехемхета [Tallet, 2018, р. 294–295], где изображения и титулы должностных лиц выглядят как добавления или приписки к царским памятникам. Самый ранний полноценный двухчастный текст, в котором «царский» и «частный» блоки были органично соединены и стали частью общего дискурса, дошел от времени правления царя IV династии Хуфу [Kuhlmann, 2005, р. 247–251]. Он был найден на далёкой окраине египетской сферы влияния, вблизи оазиса Дахла (рис. 2), где египтяне добывали глинозем для пигментов. Царская часть надписи была краткой и состояла лишь из титулатуры и датировки; описание состава экспедиции и ее цели не было отделено от царской части.

Рис. 2. Надпись времени Хуфу из Западной пустыни (по: [Kuhlmann, 2005, р. 249, fig. 7]).

Сегодня сложно судить, насколько текст, оставленный при Хуфу близ оазиса Дахла, имел официальный статус. Тем не менее он четко демонстрирует тенденцию, которая в конце V династии, т.е. спустя более 150 лет, была вполне официально представлена и закреплена на Синае⁹. При этом текст Sinai 13 мог в действительности подражать несколько более раннему памятнику – надписи Sinai 12, созданной при

⁸ Не исключено, правда, что фигуры сановников, встречающиеся на официальных рельефах царя Дена на Синае, не изображали реальных экспедиционных участников. Если рельефы служили цели представить египетское государство на отдаленной его окраине, то появление сановников может объясняться их ролью в управлении страной.

⁹ Месторождения бирюзы и медной руды на Синае отличались от месторождений глинозёмов близ оазиса Дахла тем, что являлись предметом самого пристального внимания царской резиденции.

предшественнике Джедкара царе Менкаухоре [Gardiner, Peet, Černý, 1952, pl. VII]. К моменту фиксации текст Sinai 12, увы, был сильно поврежден. Однако сохранилась царская часть, а также формула *wp.t jr.t n* [...] («миссия, выполняемая [...]»), после которой могло идти упоминание начальника экспедиции, а возможно, и руководящего экспедиционного состава.

Сами списки начальствующего состава, безусловно, должны были существовать в папирусной экспедиционной документации. На твердых материалах за пределами Нильской долины их стали фиксировать, вероятно, сначала по личной инициативе участников в виде дипинти, которые не являлись официальными монументальными памятниками экспедиции, но должны были оставить память о её составе. Относительно недавно такие дипинти времени правления Ниусерра и Джедкара были обнаружены в вырубленных в скале галереях¹⁰ в Айн-Сохне [Tallet, 2012, p. 215–217, 222–226]¹¹.

Итак, текст Sinai 13 возник в результате постепенного развития экспедиционных надписей. Важность его прежде всего в том, что среди дошедших до нас монументальных экспедиционных памятников в его структуре впервые было четко выделено самостоятельное место для перечисления руководящего экспедиционного состава. В эпоху Древнего царства Синайские рудники, где добывалось важнейшее сырье эпохи энеолита, медь, были зоной приоритетных интересов царской резиденции. Вряд ли данный список мог появиться в синайском тексте с упоминанием царя и важного религиозного события, если такая структура памятника не соответствовала уже принятым в царской резиденции и социально одобряемым представлениям о роли должностных лиц в разработке месторождений за пределами Нильской долины.

Важным нововведением, засвидетельствованным в правление Джедкара, стало упоминание в тексте одной из кратких синайских надписей этого правления, Sinai 19, общей численности одной из царских экспедиций: 1400 человек [Gardiner, Peet, Černý, 1952, pl. IX]. Это самое раннее свидетельство такого рода. При VI и VIII династиях сведения о численном составе экспедиций будут включаться в тексты уже весьма регулярно [Лебедев, 2015, с. 670].

Наконец, при Джедкара в экспедиционном контексте впервые встречается упоминание семьи одного из участников – «начальника опытных мастеров-*sr.w*» по имени Сенеиду [Gardiner, Peet, Černý, 1952, pl. IX].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

П. Тайе недавно высказал мысль о том, что добавление списка экспедиционного начальства к формальной царской части в конце V династии само по себе запустило процесс создания текстов со все более сложной структурой. Он описывает механизм этого процесса следующим образом. Монументальные изображения и краткие тексты Раннединастического периода и раннего Древнего царства должны были как бы «помечать» территорию и магически закреплять её под властью конкретного египетского царя. Поскольку частности – число экспедиций и количество участников – не имели при создании таких памятников значения, одну надпись могли использовать многие экспедиции. Когда же в официальном тексте впервые были закреплены характеристики конкретного предприятия (имена руководителей), такой памятник уже не мог описывать реалии следующей экспедиции, из-за чего начальники последующих миссий получили стимул

¹⁰ В этих галереях хранились припасы и расходные материалы, необходимые для морских путешествий на Синай.

¹¹ Самым ранним из известных пока примеров является дипинто CCIS 332 из одной из галерей в Вади-эль-Джарф, оставленное во времена Хуфу фаюмским писцом Иду [Tallet, 2018, p. 298]. Там нет перечисления состава всей экспедиции, но есть упоминание одного конкретного ее участника.

создавать свои собственные индивидуализированные монументальные тексты [Tallet, 2018, p. 115–116]. Однако П. Тайе не объясняет причину появления нового типа надписей.

Нам видится, что основной причиной был рост консолидации сообщества экспедиционных лидеров в конце V династии на фоне их специализации и признания в культуре важности личных качеств для успешного исхода предприятия. В свою очередь, консолидация сообщества была вызвана возрастанием значения внешней экспедиционной активности для государства на фоне роста самостоятельности провинциальных элит, усложнения внешнеполитической обстановки и государственных реформ в социально-экономической и административной сферах. Воспроизводство в официальных экспедиционных надписях списков руководящих составов предприятий, ставшее регулярным с конца V династии, похоже на действие в рамках поддержания общей культурной памяти узкого сообщества экспедиционных участников, которые и были основными потребителями отраженной в данных текстах информации.

Почему предыдущие изменения эффективно закрепились в структуре официальных экспедиционных текстов именно при Джедкара? С одной стороны, уже в силу своей продолжительности правление этого царя могло стать тем временем, когда разрозненные количественные изменения, наконец, перешли в качественный сдвиг, после которого экспедиционные тексты стали гораздо более информативны для историков. С другой стороны, нельзя исключать и того, что непосредственным спусковым крючком этих изменений была реформаторская деятельность Джеккара, которая непосредственно воздействовала на элиту древнеегипетского общества. Контроль над ресурсами и каналами их распределения был важным источником государственной силы и личной легитимности царя. Консолидации экспедиционных сообществ при Джеккаре мог способствовать тот факт, что времена преобразований или нестабильности в египетской истории III–II тыс. до н.э. регулярно были отмечены повышенным интересом государства к экспедиционной активности [Лебедев, 2015, с. 320]. Также не исключено, что все названные факторы действовали одновременно.

Почему новые тенденции первоначально закрепились именно на Синае? Район синайских рудников – это регион, который осваивался под непосредственным контролем царской резиденции. Но именно в резиденции должна была идти наиболее активная интеллектуальная работа, в ходе которой меняющиеся социальные и экономические реалии осмысливались в виде идей, которые затем отражались в элитных памятниках.

Окончательно профессиональное сообщество экспедиционных лидеров, судя по всему, сформировалось при VI династии, когда действовали самые известные экспедиционные начальники эпохи Древнего царства¹². Главными центрами этого сообщества были Элефантина, оазис Дахла, Коптос и Эдфу. Его члены могли неплохо знать друг друга и явно обладали общими традициями и культурной памятью. Характерно, что важной ее частью стал образ путешественника времен Джеккара – «казначей бога» Урджедедбау. При VI династии его имя оказалось неразрывно связано с культивировавшимся в элитной среде образом верного и удачливого экспедиционного начальника [Baines, 2007, p. 10–15; Marcolin, Espinel, 2011, p. 584–585].

Традиционно считается, что конец V и VI династии – это время активизации древнеегипетской экспедиционной активности [Eichler, 1993, S. 146–147; Лебедев, 2015, с. 108–110, 340–341], начавшейся при Джеккара. Однако, учитывая приведенные выше особенности экспедиционных надписей как исторического источника, пока не доказано, что между числом задокументированных предприятий и числом фактически совершенных экс-

¹² Такие, как Уна [Еуре, 1994; Richards, 2002], Ини [Богданов, 2018], Мериптаханх-Мерира [Лебедев, 2015, с. 59–62], Сабни, сын Меху, Пепинахт Хекаиб и Хархуф [Edel, 2008, S. 28–72, 620–660, 679–691, 699–703].

педий существовала прямая связь. Настоящая статья должна была продемонстрировать, что формирование корпуса экспедиционных надписей зависело от множества факторов, значительная часть которых относилась к области культуры и политики, а не экономики. О реальной же практике экспедиционной активности позволит говорить только соотношение письменных данных с данными археологии, которые в настоящий момент только начинают накапливаться.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Богданов И.В. Структура титулатуры в Египте Древнего царства: некоторые теоретические аспекты проблемы. *Сходознаство*. 2014. № 67. С. 3–19 [Bogdanov I.V. Structure of the Titular in Old Kingdom Egypt: Some Theoretical Aspects of the Problem. *Oriental Studies*. 2014. Vol. 67. Pp. 3–19 (in Russian)].

Демидчик А.Е. *Безымянная пирамида. Государственная доктрина древнеегипетской Гераклеопольской монархии*. СПб.: Алетея, 2005 [Demidchik A.E. *Nameless Pyramid. State Doctrine of the Heracleopolitan Monarchy*. Saint-Petersburg: Aletheia, 2005 (in Russian)].

Демидчик А.Е. Несостоявшийся хб-сед Небтауира Ментухотепа. *Aegyptiaca Rossica*. 2015. Т. 3. С. 80–90 [Demidchik A.E. The Unfulfilled *hb-sd* of Nebtauire Mentuhotep. *Aegyptiaca Rossica*. 2015. Vol. 3. Pp. 80–90 (in Russian)].

Демидчик А.Е. Чудо в пустыне: комментарий к надписи М 191 экспедиции фараона Небтауира Ментухотепа III в Вади Хаммамат. *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология*. 2016. № 15(1). С. 9–15 [Demidchik A.E. The Marvel in the Desert: Some Observations on the Inscription M 191 of the Pharaoh Nebtauire Mentuhotep III's Expedition to Wadi Hammat. *Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology*. 2016. Vol. 15(1). Pp. 9–15 (in Russian)].

Лебедев М.А. *Слуги фараонов вдали от Нила: развитие контактов древнеегипетской цивилизации с окружающими областями в эпоху Древнего и Среднего царств*. СПб.: Нестор-История, 2015 [Lebedev M.A. *Servants of the Pharaoh beyond the Nile Valley: Development of Contacts of the Ancient Egyptian Civilization with Adjacent Territories in the Old and Middle Kingdoms*. Saint-Petersburg: Nestor-Istoriia, 2015 (in Russian)].

Перепелкин Ю.Я. История Древнего Египта. СПб.: Летний сад, 2000 [Perepelkin Yu.Ya. History of Ancient Egypt. Saint-Petersburg: Letnii sad, 2000 (in Russian)].

Auenmüller J. Pharaonic Rock Inscriptions in Nubia – the 3rd and 2nd Millennia BC. *Handbook of Ancient Nubia*, ed. D. Raue. Berlin–Boston: de Gruyter. Pp. 393–412.

Baines J. Travel in Third and Second Millennium Egypt. *Travel, geography and culture in Ancient Greece, Egypt and the Near East*, eds. C. Adams, J. Roy. Oxford: Oxbow, 2007. Pp. 5–30.

Beckerath J. von *Handbuch der ägyptischen Königsnamen*. Mainz am Rhein: Philipp von Zabern, 1999.

Bloxam E.G. The Organization, Transportation and Logistics of Hard Stone Quarrying in the Egyptian Old Kingdom: A Comparative Study. August, 2003 (unpublished Ph.D. dissertation).

Bloxam E.G. Miners and Mistresses: Middle Kingdom mining on the margins. *Journal of Social Archaeology*. 2006. Vol. 6 (2). Pp. 278–303.

Bloxam E.G., Storemyr P. Old Kingdom Basalt Quarrying Activities at Widan el-Faras, Northern Faiyum Desert. *Journal of Egyptian Archaeology*. 2002. Vol. 88. Pp. 23–36.

Blumenthal E. Die Textgattung Expeditionsbericht in Ägypten. *Fragen an die alägyptische Literatur, Gedenkschrift E. Otto*, eds. J. Assmann, E. Feucht, R. Griechhammer. Wiesbaden: Ludwig Reichert Verlag, 1977.

Edel E. *Die Felsgräbernekropole der Qubbet el-Hawa bei Assuan*. 1. Abteilung. 3 Bd. Paderbor–München–Wien: Ferdinand Schöningh, 2008.

Eichler E. *Untersuchungen zum Expeditionswesen des ägyptischen Alten Reiches*. Wiesbaden: Harrassowitz, 1993.

- Eichler E. Zur kultischen Bedeutung von Expeditionsinschriften. *Essays in Egyptology in Honour of Hans Goedicke*, eds. B. M. Brayan, D. Lorton. San Antonio: Van Siclen Books, 1994. Pp. 69–80.
- Engelbach R. The Quarries of the Western Nubian Desert. A Preliminary Report. *Annales du service des antiquités de l'Égypte*. 1933. Vol. 33. Pp. 65–74.
- Engelbach R. The Quarries of the Western Nubian Desert and The Ancient Road to Tushka. *Annales du service des antiquités de l'Égypte*. 1938. Vol. 38. Pp. 369–390.
- Eyre C.J. Weni's Career and Old Kingdom Historiography. *The Unbroken Reed. Studies in the Culture and Heritage of Ancient Egypt in Honour of A.F. Shore*, eds. C.J. Eyre, A. Leahy, L.M. Leahy. London: The Egyptian Exploration Society, 1994. Pp. 107–124.
- Eyre C.J. Is Egyptian Historical Literature “Historical” or “Literary”? *Ancient Egyptian Literature History and Forms*, ed. A. Loprieno. Leiden: E. J. Brill, 1996. Pp. 415–433.
- Galán J.M. Royal Commissioners and Royal Inscriptions. *Proceedings of the Sevenths International Congress of Egyptologists*, ed. C. J. Eyre. Leuven: Peeters, 1998. Pp. 419–428.
- Gardiner A.H., Peet T.E., Černý J. *The Inscriptions of Sinai. Part I: Introduction and Plates*. London: Egypt Exploration Society – Geoffrey Cumberlege, 1952.
- Goyon G. *Nouvelles inscriptions rupestres du Wadi Hammamat*. Paris: Imprimerie Nationale, 1957.
- Grimm A. Das Fragment einer Liste fremdländischer Tiere, Pflanzen und Städte aus dem Totentempel des Königs Djedkare-Asosi. *Studien zur Altägyptischen Kultur*. 1985. Vol. 12. Pp. 34–40.
- Helck W. *Geschichte des Alten Ägypten*. Leiden–Köln: E.J. Brill, 1968.
- Helck W. *Wirtschaftsgeschichte des Alten Ägypten im 3. Und 2. Jahrtausend vor Chr.* Leiden–Köln: E.J. Brill, 1975.
- Kuhlmann K.P. von. Der «Wasserberg des Djedefre» (Chufu 01/1). Ein Lagerplatz mit Expeditionsinschriften der 4. Dynastie im Raum der Oase Dachla. *Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Abteilung Kairo*. 2005. Vol. 61. Pp. 243–289.
- Lupo S. Territory and territoriality in ancient Egypt. An alternative interpretation for the Early Dynastic and Old Kingdom periods. *Göttinger Miszellen*. 2007. Vol. 214. Pp. 71–83.
- Marcolin M., Espinel A.D. The Sixth Dynasty Biographic Inscriptions of Iny: More Pieces to the Puzzle. *Abusit and Saqqara in the year 2010*, eds. M. Bárta, F. Coppens, J. Krejčí. Prague: Charles University in Prague, 2011. Pp. 570–615.
- Nelson H.H. Fragments of Egyptian Old Kingdom Vases from Byblos. *Berytus*. 1934. Vol. 1. Pp. 19–22.
- Nuzzolo M. *The Fifth Dynasty Sun Temples. Kingship, Architecture and Religion in the Third Millennium BC Egypt*. Prague: Charles University, faculty of Arts. 2018.
- Peden A.J. *The Graffiti of Pharaonic Egypt. Scope and Roles of Informal Writings (c. 3100–332 B.C.)*. Leiden–Boston–Köln: Brill, 2001.
- Richards J.E. Text and Context in Late Old Kingdom Egypt: The Archaeology and Historiography of Weni the Elder. *Journal of the American Research Center in Egypt*. 2002. Vol. 39. Pp. 75–102.
- Rowe A. Provisional Notes on the Old Kingdom Inscriptions from the Diorite Quarries. *Annales du service des antiquités de l'Égypte*. 1938. Vol. 38. Pp. 678–688.
- Shaw I., Bloxam E. Survey and Excavation at the Ancient Pharaonic Gneiss Quarrying Site of Gebel El-Asr, Lower Nubia. *Sudan & Nubia*. 1999. Vol. 3. Pp. 13–20.
- Shennan S. After Social Evolution: A New Archaeological Agenda? *Archaeological Theory: Who Sets the Agenda?* eds. N. Yoffee, A. Sherratt. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. Pp. 53–59.
- Strudwick N. *The Administration of Egypt in the Old Kingdom: The Highest Titles and their Holders*. London – Boston: KPI, 1985.
- Tallet P. *La Zone minière pharaonique du sud Sinaï*. I. *Catalogue complémentaire des inscriptions du Sinaï*. Le Caire: Institut français d'archéologie orientale, 2012.
- Tallet P. The Wadi el-Jarf Site: A Harbor of Khufu on the Red Sea. *Journal of Ancient Egyptian Interconnections*. 2013. Vol. 5(1). Pp. 76–84.
- Tallet P. *La zone minière pharaonique du Sud-Sinaï*. III. *Les expéditions égyptiennes dans la zone minière du Sud-Sinaï du prédynastique à la fin de la XXe dynastie*. Le Caire: Institut français d'archéologie orientale, 2018.

Verner M. *Sons of the Sun: rise and decline of the Fifth Dynasty*. Prague: Charles University in Prague, Faculty of Arts, 2014.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЛЕБЕДЕВ Максим Александрович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва, Россия.

Maksim A. LEBEDEV, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.